

Сосковец Любовь Ивановна

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ КНР В ОЦЕНКЕ РОССИЙСКИХ СИНОЛОГОВ

В статье дается общий анализ основных направлений изучения модернизирующегося Китая, выделяются темы, вызывающие наибольший интерес российских исследователей. Обобщаются выдвинутые в российском китаеведении в 1990-2000-е годы концепции и оценки общественного строя КНР, созданного за годы модернизации и реформирования Китая. Отражены различные подходы отечественных синологов к пониманию "социализма с китайской спецификой", роли Коммунистической партии Китая, перспектив политической реформы, демократизации китайского общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/12-1/46.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. I. С. 172-175. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 323:316.422(510)

Исторические науки и археология

В статье дается обобщенный анализ основных направлений изучения модернизирующегося Китая, выделяются темы, вызывающие наибольший интерес российских исследователей. Обобщаются выдвинутые в российском китаеведении в 1990–2000-е годы концепции и оценки общественного строя КНР, созданного за годы модернизации и реформирования Китая. Отражены различные подходы отечественных синологов к пониманию «социализма с китайской спецификой», роли Коммунистической партии Китая, перспектив политической реформы, демократизации китайского общества.

Ключевые слова и фразы: модернизация; КНР; общественный строй; российские китаеведы; социализм с китайской спецификой; Коммунистическая партия Китая; демократизация; политическая реформа.

Сосковец Любовь Ивановна, д.и.н., доцент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

ivitca56@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ КНР В ОЦЕНКЕ РОССИЙСКИХ СИНОЛОГОВ[©]

Отечественная синология активно занимается изучением идущих в Китае процессов модернизации. Особое внимание в ней сосредоточено на различных аспектах его экономического развития, социальной трансформации, очень подробно освещаются достижения и проблемы в области социальной политики, анализируются подходы китайского руководства к политическому реформированию, разбираются предсъездовские события и послесъездовские мероприятия, подробно рассматриваются идейно-теоретические новации и конституционные изменения, отслеживаются расстановки сил в партийно-государственной элите, идеологические «баталии» в ней и др. Сам же процесс изучения российскими синологами постмаоистской политико-правовой системы стал темой публикации Д. Смирнова, помещенной в последнем номере журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2012 г. [7].

Один из основных вопросов, которые активно обсуждали в первой половине 2000-х гг. отечественные синологи, был связан с «маркировкой» того общественно-экономического и политического строя, который был сформирован в ходе модернизации КНР, а также перспектив и направлений его трансформации.

Так, данная тема была в центре внимания участников научной дискуссии, проходившей в редакции журнала «Мировая экономика и международные отношения» (МЭиМО) в начале 2006 г. [3]. Принявшие в ней участие известные российские китаеведы выразили сомнения в справедливости оценок общественного строя Китая как «постсоциалистического капитализма» (А. Салицкий), «фрагментированного капитализма» (А. Ломанов). А. Салицкий нашел критикуемое им определение как весьма расплывчатое, а А. Ломанов предложил трактовать общественно-экономическую систему КНР как «просвещенный плутократический капитализм» [Там же, с. 53]. Я. Бергер, рассуждая на тему о сути устройства Китая, отметил, что в нем, по сути, сложился общественный строй с очевидными неоконпрадорскими чертами. Он объяснил это тем, что по мере продвижения рыночных реформ в КНР все больше имело место смыкание китайской партократии с местной олигархией и гонконгской буржуазией [Там же].

Как представляется, наиболее полно и убедительно в вопросе о сути нынешнего общественного устройства Китая разобрались Я. Бергер и В. Михеев. Свои суждения на этот счет они представили в ряде публикаций, включая одну из наиболее серьезных коллективных работ по анализу преобразований в Китае, вышедших из-под пера российских исследователей, – это «Китай: угрозы, риски, вызовы развитию» [4]. Я. Бергер и В. Михеев в совместной статье «Общественный строй Китая: «нострасоциалистический капитализм»?», пытаясь ответить на вынесенный в заголовок вопрос, попутно предприняли попытку разъяснить, как все-таки понимать явление, которое с подачи Дэн Сяопина стало называться «социализмом с китайской спецификой» [1]. Авторы резонно заметили очевидное: с точки зрения рыночной среды, созданной в КНР, глубины и широты вхождения в мировую экономику Китай, конечно, не может считаться социалистической страной в том понимании, что в него (социализм) содержательно вкладывали в СССР и в маоистском Китае. Тем не менее, полагают они, с точки зрения авторитарного характера власти, сохраняющихся в идеологической сфере табу страна вполне отвечает прежним критериям социализма [Там же, с. 57].

Вопросы эти (социализм ли в Китае, если да, то какой, в чем его «китайскость?») отнюдь не праздные и совсем не схоластические. Даже в сравнительно недавней публикации А. Смирнов заметил, что пока трудно однозначно ответить на вопрос, что же на самом деле строится в КНР: социализм или капитализм? И чтобы ответить на него, замечает он, нужно определиться с самим понятием социализма, содержание которого широко варьируется от страны к стране и от эпохи к эпохе [8, с. 28].

Подчеркнем при этом, что за все время реформ, начиная с 1978 г., ни один китайский лидер не выказал даже тени сомнения в том, что они строят социализм, причем постоянно указывали, что находятся по-прежнему едва ли не в начале такого пути. Вот и на XVIII съезде КПК (ноябрь 2012 г.) партия клятвенно подтвердила верность социалистическому курсу.

Что же касается понятия «социализм с китайской спецификой», то М. Бергер и В. Михеев предложили трактовать его вполне конкретно – это рыночная экономическая система страны, интегрированная в мировые хозяйственные связи и мировой научно-технический прогресс при сохранении политической власти в руках коммунистической партии [1, с. 62].

Добавим при этом, что эта партия обладает полной монополией на власть, пользуется авторитетом у основной массы населения, умеет гибко и успешно реагировать на внешние и внутренние вызовы, сохраняя определенную идейно-теоретическую ортодоксию. В китайском обществоведении и партийном истеблишменте расхождения на тему, что такое социализм вообще и китайский социализм в частности, также ведутся регулярно. На это тоже наши китаеведы обращают внимание. Никто из них не ставит под сомнение специфичность социализма в Китае. По мысли Ю. М. Галеновича, это действительно «самобытный китайский социализм, то есть социализм, которому придан китайский характер, китайское своеобразие, китайская самобытность» [5, с. 33]. При этом Ю. Галенович подчеркивает, что, хотя социализм в КНР всегда был специфическим, современное понимание его в Китае все-таки отличается от предыдущих трактовок. При Мао Цзэду, поясняет историк, это был социализм борьбы, при Дэн Сяопине – социализм конкуренции, а в последнее десятилетие он трактуется как социализм согласия между членами и группами общества [Там же, с. 33-34]. Но в целом, как уверен Ю. Галенович – один из авторитетнейших российских китаеведов, начиная с 1949 г., когда КПК взяла власть, и до нынешнего времени политическая система страны остается по сути неизменной. Никакие реформы не приводили к каким-либо ее изменениям. «Стержнем политической системы остается полная власть... компартии над вооруженными силами, всем государственным механизмом» [6, с. 84].

Феномену китайского социализма как теоретико-методологической проблеме посвятил свою статью академик М. Л. Титаренко, директор Института Дальнего Востока. Один из мэтров отечественного китаеведения вновь напомнил никем почти не оспариваемый факт: «То, что строится в Китае, и путь, по которому он идет, не укладывается ни в привычные рамки традиционных представлений о социализме, ни в либеральные схемы рыночных отношений западной демократии» [9, с. 4]. Автор предупреждает против поспешного и «не комплексного» понимания ряда факторов, которые специфицировали и продолжают специфицировать китайский путь к социализму. Только понимание особенностей Китая, – напомнил он, – позволит понять, почему был выбран такой путь, почему была выбрана та стратегия, которая осуществляется КПК. Автор отметил, что сомнения относительно социалистической направленности реформирования Китая возникают не только у зарубежных аналитиков и наблюдателей, но и у части кадров, представителей науки и СМИ в самом Китае. Академик полагает, что эти сомнения объясняются сложной ситуацией и «наличием немалого числа явлений, которые трудно скоррелировать с социализмом» [Там же, с. 5]. Действительно, наличие значительных социальных противоречий, связанных с резкой поляризацией в обществе (город – село, бедные – богатые, развитые и отсталые регионы и др.), недоступностью или дороговизной для большинства китайцев многих социальных благ (образование, медицинское обслуживание, жилье и др.), никак не соответствует представлениям о социализме, подразумевающим все-таки, в первую очередь, социальное равенство. В этих условиях, как замечают отечественные авторы, не работает определение социализма, данное в свое время Дэн Сяопином. Последний считал, что сущность социализма заключается в том числе в уничтожении эксплуатации, устранении поляризации, обеспечении общей зажиточности [Там же, с. 6]. Не случайно сам он подчеркивал, что Китаю до такого социализма – очень далеко. Тем более что предложенный «архитектором» китайских реформ лозунг «Обогащайтесь», призванный активизировать население, при своем воплощении дал обратные результаты: расслоение, эксплуатацию и прочие не социалистические проявления. Анализируя все эти современные реалии Китая, М. Л. Титаренко сделал вывод, что за более чем тридцатилетний период в стране не просто была создана теория социализма с китайской спецификой, но сформирована экономическая и политическая система «конвергентного многоукладного общества, сочетающего социалистическую направленность политической надстройки при руководящей роли Компартии с одновременным масштабным использованием и развитием капиталистических форм собственности, распределения... регулирования... управления» [Там же, с. 15]. Тем не менее М. Л. Титаренко полон оптимизма по поводу именно социалистических (в их классическом понимании) перспектив общества в Китае, поскольку, по его мнению, китайское коммунистическое руководство постоянно максимально наращивает социальную, гуманитарную, «в конечном счете, социалистическую направленность своей политики» [Там же].

Как стало окончательно очевидно, социализм с китайской спецификой (помимо прочего) означает полное неприятие какого-либо западного (и советского) опыта в области политического устройства. Речь китайских руководителей и специалистов-обществоведов буквально пересыпана словами «демократия», «демократический», но демократия в их трактовке также носит подчеркнуто специфический характер – это демократия китайского типа, когда государство ставит главной задачей обеспечение роста благополучия огромных массов населения (это ли не забота о подлинных интересах и правах людей? – полагают они), а не формальное создание институтов западной демократии вроде конкурентных выборов, многопартийности и пр.

Рассуждениям о том, возможна ли подлинная демократизация Китая, какие проблемы и сложности стоят на этом пути, также посвящено немало публикаций. Российские специалисты по Китаю в ходе упоминавшейся уже дискуссии в редакции журнала МЭиМО, разбираясь с понятиями и категориями, сделали вывод, что при всем разнообразии дефиниций можно говорить о том, что современный Китай – это страна, где идет успешное развитие рыночной экономики, но общественную систему даже номинально нельзя считать демократической. Что же касается перспектив политической трансформации КНР, то были высказаны три точки зрения на этот счет. Одни специалисты (В. Михеев, М. Потапов) полагали, что политическое реформирование по линии демократизации постоянно актуализируется как внешними, так и внутренними факторами, но неблагоприятный интеллектуальный общественный климат в стране чрезвычайно тормозит и будет далее затруднять этот

процесс. Другие ученые (Я. Бергер, О. Борох) нашли, что в стране уже осуществляется политическая реформа, но она специфицируется китайскими условиями, поэтому её проявления качественно отличаются от того, что принято считать демократизацией [3, с. 53-56]. Ну и, наконец, была высказана точка зрения (В. Портяков), что ни о какой полномасштабной политической реформе в Китае говорить не приходится, да она и не нужна, «поскольку монополия КПК на власть позволяет решать возникающие в обществе проблемы» [Там же, с. 57].

В более поздних своих выступлениях В. Михеев вновь выразил сдержанный оптимизм по поводу демократических перспектив Китая, предположив, что тот «через развитие внутрипартийной демократии, низовой демократии, через воспитание ответственного избирателя и повышение роли закона постепенно будет продвигаться в направлении к всенародной демократии» [10, с. 104]. Заметим, что автор перечислил в качестве шагов по движению к демократии ряд основных направлений реформы политической системы так, как она трактуется самим китайским партийным руководством. Правда, в 2008 г., когда В. Михеев высказался по этому поводу, он подчеркивал, что решать задачу создания институтов демократии в КНР начнут еще не скоро. Тогда же О. Борох отмечала, что проблемы внутрипартийной и всенародной демократии активно обсуждаются китайской интеллектуальной элитой, что в центре их внимания находятся вопросы, когда и как именно следует переходить от внутрипартийной к всенародной демократии, каким должен быть механизм этого перехода [Там же, с. 107]. Здесь уместно напомнить слова Ху Цзиньтао: «Ключевой вопрос не в том, надо реформировать политическую систему или нет, а в том, в каком направлении её реформировать» [6, с. 84]. Вопросы эти не сняты и по сей день, а нынешнее руководство КПК, как пишет Д. Смирнов, «равно как и их предшественники, принципиально не идут на принятие предлагаемого различными оппозиционными силами принципа — конституционного правления» [8, с. 25], поскольку отчетливо понимают, что претворение в жизнь означенного принципа поставит под вопрос правомерность монополии компартии на власть.

Российские синологи (и Д. Смирнов в их числе) склонны искать и находить несомненные плюсы в таком монополизме, который, по их мнению, обеспечивает долгосрочную стабильность и, стало быть, дает возможность для длительного стратегического планирования, а также эффективного контроля за выполнением принятых решений [Там же, с. 26]. При этом очевидны и минусы однопартийного, монопольного и длительного правления, о которых также пишут отечественные авторы. Отсутствие политической конкуренции не способствует преодолению «узких мест», к которым относятся коррупция [2], чрезвычайно высокая роль субъективного фактора при принятии решений, более низкая управленческая эффективность и др.

Вместе с тем в самом Китае и китайское партийно-политическое руководство, и китайская пропаганда настойчиво повторяют мысль, что страна давно и успешно развивается в рамках демократии, но только не такой, какой ее себе представляют на Западе, а национальной китайской. Мы уже отмечали, что слово «демократия», особенно в качестве прилагательного, обильно используется в партийно-пропагандистской лексике: демократическая диктатура народа, в стране «расширяют народную демократию», «строят внутрипартийную демократию», «развивают низовую демократию» и др. Эксперты по Китаю даже не ленятся подсчитывать, сколько раз упоминается слово «демократия» в публичных выступлениях китайских лидеров. Например, в докладе Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК в 2007 г. он употребил этот термин 60 раз [10, с. 108]. Но, как подчеркивает О. Борох, за этими словами — «декоративные трансформации и нереализуемые... лозунги», которые КПК использует, чтобы сохранить абсолютную власть [6, с. 82]. Китай упорно демонстрирует, что в деле реформирования и демократизации политической сферы он исходил и впредь будет исходить не из заимствования чьего-либо опыта, а из учета внутренних реалий и потребностей.

А реалии и потребности таковы, что КНР в целом и его партийно-политическому руководству в ближайшее время придется решать ряд достаточно сложных задач в поступательном развитии страны. Трудности эти обусловлены как внутренними (наличие большого количества социальных проблем, необходимость постоянной корректировки экономической модели, коррупция и определенное разложение в элитах, поддержание общественной стабильности и др.), так и внешними (обострение глобальной конкуренции, неблагоприятный внешнеполитический имидж и др.) условиями. В таких условиях существующая общественно-политическая система, уже зарекомендовавшая себя как эффективная и адаптивная, будет и впредь востребована, поскольку она обеспечивает и экономический рост, и социальный прогресс, и общественную стабильность. Стало быть, еще на неопределенный по длительности срок вполне подходящим для определения сути общественного строя в КНР будет его наименование как социализма с китайской спецификой ровно в том содержании, о котором написано выше.

Список литературы

1. Бергер Я., Михеев В. Общественный строй Китая: «постсоциалистический капитализм»? // Общество и экономика. 2005. № 7-8. С. 57-96.
2. Веселова Л. С. Неформальные отношения (гуаньси) — проявление коррупционной деятельности или культурная специфика Китая? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 7. Ч. 2. С. 32-36.
3. Демократизация Китая: уровень, проблемы, тенденции // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 7. С. 52-59.
4. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / под ред. В. Михеева. М.: Моск. Центр Карнеги, 2005. 647 с.
5. Основные особенности и итоги XVII съезда Компартии Китая: круглый стол редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока» 12 ноября 2007 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 1. С. 17-61.
6. Политическая модернизация Китая: материалы научного семинара «Современные проблемы развития» // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 7. С. 81-92.

7. **Смирнов Д.** Изучение политической системы и правового строительства в КНР: подходы и оценки в трудах российских исследователей в 1990-е годы // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 6. С. 76-88.
8. **Смирнов Д.** Особенности трансформации идейно-политической основы модернизации КНР в условиях перехода к рыночной экономике // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 5. С. 18-29.
9. **Титаренко М. Л.** О феномене китайского социализма (размышления по поводу дискуссий о китайском социализме и итогов XVIII съезда КПК) // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 2. С. 3-25.
10. **XVII съезд КПК: смысл и последствия:** круглый стол редакции журнала «Мировая экономика и международные отношения» // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 5. С. 103-111.

SOCIAL-POLITICAL SYSTEM OF THE PRC IN THE RUSSIAN SINOLOGISTS' EVALUATION

Soskovets Lyubov' Ivanovna, Doctor in History, Associate Professor
National Research Tomsk Polytechnic University
ivitca56@mail.ru

The article analyzes the main directions of studying modernizing China and highlights the subjects of the greatest interest for the Russian researchers. It summarizes the concepts and evaluations of the Chinese social system established in the years of the modernization and reform of China put forward by the Russian sinologists in the 1990-2000s. Various approaches to the understanding of "socialism with the Chinese characteristics" and the role of the Communist Party of China, as well as to prospects for the political reform and democratization of the Chinese society existing in the Russian sinology are represented in the article.

Key words and phrases: modernization; the PRC; social system; the Russian sinologists; socialism with the Chinese characteristics; the Communist Party of China; democratization; political reform.

УДК 343.3/7

Юридические науки

В статье затрагивается вопрос о понятии половых преступлений в дореволюционной уголовно-правовой мысли России середины XIX – начала XX столетия. В этой связи изучаются работы дореволюционных ученых-юристов, где исследуются половые преступления, дается их классификация. Автор акцентирует внимание на несоответствии законодательной и научной классификаций преступлений в части половых посягательств, констатирует широту взглядов дореволюционных ученых-юристов на половые преступления, их характеристику как многообъектных преступлений в сфере половой жизни.

Ключевые слова и фразы: дореволюционное уголовное право; преступления; половые преступления; плотские преступления; брачные половые посягательства; внебрачные половые посягательства; законодательная и научная классификации преступлений.

Стетюха Марина Петровна, к.ю.н.
Южный федеральный университет
stetyukha_mp@mail.ru

ПОНЯТИЕ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКЕ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В. ©

Понятие половых преступлений имеет межотраслевое значение. Оно используется не только в юридических науках, в частности, науках уголовно-правового цикла, но и в таких отраслях знаний, как история, социология, психология, сексология и других. Не принижая роль иных отраслей знаний, признаем, что определение того, что является преступлением, а что таковым не является, в конечном счете, задает уголовный закон, а вместе с ним и уголовно-правовая наука. Этим и обусловлено обращение к вопросу о понятии половых преступлений в науке уголовного права России.

В уголовно-правовой науке вопрос о понятии половых преступных посягательств относится к числу дискуссионных. Современные исследователи неодинаково трактуют его с точки зрения содержания и объема [1, с. 122-123; 4, с. 20-23; 6, с. 83-84]. Нередко понятие половых преступлений не выводят за рамки преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, ответственность за совершение которых предусматривается в гл. 18 УК РФ [9, с. 25]. Данный аспект, с которым вряд ли можно согласиться, привлекает к себе внимание, мотивирует на научный поиск ответов на вопросы: «что представляют собой половые преступления?», «какие преступления относятся к половым?» и т.д.

Научный поиск можно осуществлять с помощью разных методов исследования. Но полное и всестороннее познание требует не только изучения современного состояния объекта, но и истории его развития. Всестороннее исследование истории понятия половых преступлений, в конечном счете, способно открыть завесу «тайны» столь неоднозначного подхода к определению известного понятия на всем протяжении развития уголовно-правовой науки. В том числе нельзя не учитывать, что состояние последней во многом обуславливается